

**II Всероссийский конкурс
литературных работ
людей с нарушением зрения
имени Эдуарда Асадова**

О ЧЕМ ХОЧУ ВАМ РАССКАЗАТЬ

Автор:

**Кристина Геннадьевна
Горбачёва**

2023 г.

Дочки-матери

У моего папы — юбилей! И у нас в доме собралось полным-полно гостей, в общем, как говорят, яблоку негде упасть.

И сегодня я впервые за семь лет своей жизни наконец-то увидела своих троюродных сестёр: девятилетнюю Таню и пятилетнюю Алёнку. Девочки занимаются балетом, и я много слышала об их успехах от своих родителей.

Мама часто подсмеивалась надо мной, говоря: «Вот ты у меня всё булочки трескаешь, а твои сёстры хрупкие, словно феи. Ну и как ты будешь смотреться на их фоне?»

Поэтому мне всегда хотелось увидеть своих сказочных и волшебных сестёр.

Но вот ни на каких сказочных фей мои сёстры совершенно не были похожи, а скорее походили на скелеты в пышных платьях.

Зато с моими двоюродными братьями-близнецами — конопатыми лопухими шестилетками Димкой и Мишкой я давно уже была знакома. Эти обормоты любят жульничать в настольных играх и поэтому за ними нужен глаз да глаз.

А ещё к нам приехала моя взрослая троюродная сестра — студентка Юлька.

Мне она сразу понравилась, потому что она не сюсюкается с детьми, как другие взрослые.

— Это потому что, — наставительно объяснил мне мой папа, — Юля у нас будущий психолог.

Мне же самой кажется, что по своему характеру Юлька чем-то похожа на меня, такая же весёлая и боевая девчонка, как и я, так же любит животных, любит рассказывать разные юморные истории, а ещё она любит экстрим и даже уже прыгала с парашютом.

Но это ещё не все мои братья и сёстры. Папа смеётся, что если собрать всех наших родственников только по его линии в нашей четырнадцатизэтажной башне, то им не хватит квартир в доме.

— Для огромных родов в городах, — шутит он, — надо строить многоподъездные дома. Вот сколько у тебя родных, Дашутка! С ними ты точно не пропадёшь.

Наевшись салатов от пуза и расправившись с десертом, мы, дети, быстро удрали играть в мою комнату.

Сначала все захотели опробовать мои новые настольные игры. Во время игры мы, девчонки, не давали мальчишкам жульничать, возможно, поэтому близнецам в этот раз не так везло. И конечно же, играть по-честному Димке и Мишке быстро надоело.

Поэтому я решила предложить всем поиграть в жмурки. Носясь по комнате, мы здорово устали, особенно маленькая Алёнка.

И тогда её сестра Таня тоном воспитательницы младшей группы предложила нам поиграть в более спокойную игру — дочери-матери.

— Ну уж нет! — как по команде хором, возопили близнецы. — Мы лучше в Дашкину приставку порубимся! — И они нагло уселись к моему телевизору.

— Вот и хорошо, что без вас, — торжествующе заметила Таня. — Мальчишки в этой игре только все портят.

А я просто еле сдерживалась от просыпающегося во мне гнева. Ведь эти двое из ларца даже не спросили у меня разрешение! Может, я тоже хочу в приставку играть? А ведь джойстика всего лишь только два. «Ведут себя, как свинтусы», — думала я.

Моя мама, когда мне было еще только четыре года, отругала меня за то, что я как-то в гостях без спросу взяла чужой конструктор.

Но тут я вспомнила её наказ быть гостеприимной и вежливой хозяйкой, более того, я была уверена, что за грубость с гостями меня отругают ещё больше. И я не стала ничего им говорить. А просто предложила Тане поиграть во что-то другое.

— Ставлю на голосование! — деловым тоном заявила Танька. — Кто за дочки-матери? — И она тут же вскинула вверх свою костлявую руку. А Алёнка даже две руки подняла.

«Похоже, что у балеринок эта любимая игра, — с досадой подумала я. — А я бы сейчас с удовольствием сходила в гости к Лизе и поиграла бы с ней в наш сказочный город. Но это же опять выйдет невежливо».

— Два против одного! — услышала я ликование Таньки. — Так что всё почестному! Играем! Чур я буду мама, а вы мои дочки.

«Так, решила я, с куклами ещё куда ни шло, но с живыми людьми? Нет, больше со мной такое не пройдёт! Как же мне вежливо слинять?» — размышляла я про себя.

— Ну, хорошо! — притворно весело ответила я. — Играем. Вы начинайте без меня, как будто я в школе, а я пойду попить чаю. Пить очень хочется, слишком много торта съела.

Девчонки тут же начали игру, обустроивая в моей комнате свой семейный уют. Выходя из комнаты, я уже слышала командирский голос Тани, отдававший приказы своей дочке Алёнке.

Попив чаю, я тянула время, продолжая сидеть со взрослыми, которых явно тяготило моё присутствие.

Наконец Юлька не выдержала и поинтересовалась:

— Дашка, давай колись, почему ты от ребят сбежала?

— Да нет, всё нормально, просто у меня от шума голова болит, — неудачно соврала я.

— Нет, меня проведёшь, что-то у вас там не заладилось? — лукаво продолжала свой допрос Юлька. И тут я решилась... ну раз взрослые так пристают со своими расспросами, то пусть знают. И я выпалила как на духу:

— Да я ненавижу эту игру в дочки-матери!

За столом повисла гробовая тишина.

— Почему? — как-то тихо и растерянно спросила меня моя мама.

— Для девочки это странно! — изумилась мама сестёр-балерин тётя Маша.

— Ну игра на мой вкус, конечно, не фонтан, — неожиданно поддержала меня Юлька. — Слишком повседневная и без динамики. Но почему так категорично? Чем же всё-таки она тебе не угодила? — продолжала допытываться Юлька.

— Если бы с вами так поиграли, вы бы тоже эту игру возненавидели, — вновь закипая, возмущенно обратилась я к собравшимся на кухне взрослым и уже тихо добавила: — Даже вспоминать не хочется.

— В смысле, доча? Пойдём, расскажешь мне наедине, что с тобою случилось? — не на шутку встревожился мой отец.

— Нет! Слушайте все! — задыхаясь от волнения, прокричала я.

И торопливой скороговоркой, которая обычно появляется у меня в речи, когда я волнуюсь, я стала делиться своими воспоминаниями:

— Время от времени ещё до начала нашего садовского обеда у нас группе появлялись эти монстры-подростки — дочери воспитательниц. И это было для нас кошмаром. Почему они не были в школе, я понятия не имею. После утренних занятий с воспитателями у нас в группе было свободное время, и мы обычно играли сами, во что захотим. Но вот любимой забавой воспитательских дочек было схватить нас, девочек, на руки и потащить в спальню. Хоть до тихого часа времени было ещё очень много. Тащили они нас, больно сжимая, потом закидывали по кроватям, заявляя, что они будут играть с нами в дочки-матери. Каждая тащила в кровать своих «дочек», потом нам приказывали закрыть глаза и спать. Если мы пытались шевелиться или встать, то нам тут же больно доставалось по рукам и попе. «Непослушных детей надо наказывать», — приговаривали они при этом. Объяснить им, что мы хотим играть сами, и тихий час ещё не наступил, было просто невозможно. Лиза столько раз пыталась, но наконец перестала и лежала не двигаясь, в отличие от меня. А я вот всегда пыталась от них сбежать, за что и получала наказания больше других. Я, Лиза и ещё Полина постоянно ходили у них в «дочках», наверно, потому, что мы из девочек были самыми маленькими и лёгкими в группе. — Только сейчас во время своего рассказа догадалась я. — И наших садовских мальчишек воспитательские дочери тоже запугивали своими знакомыми старшими ребятами. Правда, нашим мальчишкам было на эти угрозы — чихать. С тех пор я ненавижу, когда с детьми играют в эти противные дочки-матери.

От услышанного моя мама не могла вымолвить ни слова, было видно, что её «душат» слёзы. Она только подошла ко мне и крепко прижала к себе, пытаюсь меня хоть как-то успокоить.

— Доча, что же ты мне ни разу не пожаловалась на такой произвол? — негодовал мой отец.

— Не люблю ябедничать — насупленно пробормотала я.

— Дошкольники ещё не умеют формулировать свой негативный опыт, — серьёзным тоном заметила Юля.

— Даша, сколько лет тогда тебе было? — неожиданно уточнила она.

— Четыре и пять — в средней группе всё началось, в старшей продолжилось,

— вспоминая, ответила я.

— Понятно, действительно, мерзкая история, — посочувствовала она мне.

— Вот мы ругаем нашу армию, — вдруг громогласно заявил папа близнецов дядя Виталик, — а тут дедовщина, можно сказать, с пелёнок уже процветает. Значит, дело все не в армии, а в жестокости нашего человеческого общества в целом.

— Да что здесь такого страшного? — примирительно сказала тётя Маша. — Ведь старшие всегда командуют младшими, воспитывая их. Тем более что девочкам объяснили, что это просто игра.

— Да что вы? — возмутилась моя мама. — Этих девочек самих ещё надо воспитывать.

— Действительно, Маша, а если бы это был твой ребенок? — поддержала мою маму мама близнецов тётя Вера. — Господи, хорошо, что мои в сад не ходят. И вот вопрос: где же в этот момент были воспитатели? — удивилась она.

— Да нет, — вмешалась я. — Вы не поняли, вообще я садик любила, там интересно. Мне просто не нравится, когда старшие несправедливо и жестоко командуют младшими.

— Но ведь ничего особенного не случилось, — опять заступилась за дочек воспитателей тётя Маша. — Мои дочки все время так играют, правда, в сад ни одна из них не ходила. Но игра в «дочки матери», хорошая девчачья игра, не в солдатики же девочкам играть в самом деле?

— Не расстраивайся, Дашутка, зато приобрела ценный жизненный опыт, — участливо сказал дядя Виталик.

— Не каждый опыт на пользу ребенку идёт. Некоторые дети из-за травматического опыта заиками становятся, — задумчиво сказала тётя Вера.

— Вспомнила! — вскрикнула я. — Как раз про девочку-заику, но это не в садике, а в больнице было, где в прошлом году я с пневмонией лежала. Вот там от бронхита лечили трехлетнюю Иришку, которая к тому же заикалась, после того как её покусала собака. В отличие от других родителей малышей, её мама и бабушка не находились с ней в круглосуточно в больнице. Они приезжали ненадолго навестить её и опять уезжали.

А старшие девочки-подростки, когда взрослых не было рядом и Иришка начинала хныкать, часто пугали её собакой и уколами. Так и кричали: «Ира, собака! Ира, тебе сейчас пять уколов сделают!». Естественно, от таких угроз она не успокаивалась, а начинала истошно вопить, и это приводило их в полный восторг. Им нравилось её пугать.

Зато при взрослых девочки были ну сама вежливость. Когда меня выписывали, я сказала медсестре, что Иришку старшие девочки запугивают. Думаете, она мне поверила? Как бы не так! Сказала, что девочки взрослые и добрые и не будут заниматься такими глупостями. А защищала она их только потому, что каждый вечер сама пила с ними чай, и они смеялись по ночам, мешая нам спать.

— Это уже не проигру, — подытожила Юлька. — Эти девицы просто упивались своей властью над вами. Ну что ж, сестрёнка, зато не будешь бездумно и слепо подражать старшим ребятам. Ведь с таких мелочей и начинается человеческое раболепство перед грубой силой и авторитетами.

— Ну, Юля, ты же явно перегибаешь палку, — нравоучительно сказала тётя Маша. — Авторитеты должны быть, как же тогда родители, учителя? Да и в подражании малышей старшим ребятам тоже нет ничего зазорного. Они и должны быть примером для младших.

— Тётя Маша, — уже раздраженно и укоризненно обратилась к ней Юлька, — здесь ключевое слово «должны». А подражают лишь попугаи и обезьяны, а разумные люди учатся. Вот наша Дашка и научилась... и отсеяла пример поведения этих девиц как безнравственный.

Юлька еще что-то хотела сказать, но тут в комнате появилась Таня, за ней высовывалась любопытная головка Алёнки.

— Даша, быстро иди домой, а то я тебя накажу. Хватит гулять! — рассерженно сказала мне моя мама понарошку.

А моя настоящая мама, посмотрев на тётю Машу долгим выразительным взглядом, явно стала ждать её ответа, но та лишь молчала.

Тогда Юлька уже в который раз за сегодняшний вечер пришла мне на помощь.

— Девчонки! — задорно обратилась она к моим сёстрам — У любой игры есть один маленький секрет: она должна быть приятна всем в неё играющим. Иначе она просто не удастся.

— Правильно! — поддержал её мой папа, а мама добавила:

— Ну что, ребятки, хотите сыграть в забавную и смешную игру «Чепуха»?

— Да! — обрадованно закричали все дети, в том числе и оторвавшиеся от приставки близнецы, неизвестно когда подошедшие к нам, а с ними и моя уже взрослая сестра Юлька.

Легенда о шахматных королях

Это был первый и последний раз, когда я ходила на шахматы. Это папа меня упросил записаться в шахматный кружок. Интеллект, мол, шахматы повышают., «Лизок, сходи, не пожалеешь», — упрашивал отец.

Ну я и сходила, папе ведь не откажешь.

А пошла я туда не одна, а с моим соседом Данькой. Он на три года старше меня и учится уже в пятом классе. Но всё равно мы с Даней большие приятели.

Моя мама считает его очень интеллигентным мальчиком, а папа, возражая ей, называет его слегка пришибленным, но милым. Для моего старшего брата Данька — тормоз, а моя старшая сестра, Данина одноклассница, поучает меня: «Лизок, не водись ты с изгоями, репутацию испортишь».

Мне же кажется Даня неповторимым. Это значит, что истории, которые он мне рассказывает, я больше ни от кого не слышала. Оно и понятно, он же сам их сочиняет.

Вот и на этот раз так вышло...

Заниматься игрой в шахматы Данька начал месяц назад по совсем уж непонятным мне причинам, связанными со стратегией и тактикой. Но главное было не это, а то, что мы сидели с ним на кружке за одним столом друг против друга.

И старенький учитель-шахматист сказал, чтобы Даня познакомил меня с шахматными фигурами и объяснил правила игры.

А в следующий раз, пообещал он, я уже буду вместе с Даней играть против него.

Хотя педагог мне понравился, да и Даня объяснял всё очень толково, но я почему-то всё время отвлекалась, разглядывая ребят, собравшихся в этом кружке. Они чем-то все были похожи на Даню и все же совершенно другие.

— Ну ты меня слушаешь или нет? — уже начал нервничать мой обычно спокойный и снисходительный ко мне Данька.

— Слушаю, но плохо соображаю, я же после сольфеджио, а у меня ещё в музыкалке голова от диктанта разболелась, — оправдывалась я.

— Лучше приходи ко мне завтра, в субботу: все с утра разбредутся по делам, никого не будет дома, и ты мне всё ещё раз объяснишь, — на ходу придумала я.

Данька только хмыкнул в ответ.

— Да знаю я тебя куколку-балетницу, воображалу-сплетницу, будешь под музыку танцевать, а потом выбалтывать всё подряд о своих третьеклашках, — стыдил он меня.

Но всё же в итоге согласился попробовать, взяв с меня честное слово слушать его внимательно.

— Лизка, я не хочу краснеть за тебя перед Юрием Валерьевичем, — предупредил он меня ещё раз.

Я вздохнула с облегчением и предложила ему потихоньку поболтать.

— Дань, — стала умолять я. — Ну расскажи одну из своих историй.

На мгновение Даня смутился, потом задумался, но всё же согласился.

Он посмотрел вокруг, Юрия Валерьевича не было в классе, и ребята болтали каждый о своём.

— Ладно, но раз так вышло, то чур история будет о шахматах, вернее это легенда о шахматных королях, — хитро сказал он. Я была согласна и на это. И он начал неторопливо рассказывать:

— В одной маленькой не то китайской, не то индийской деревушке — точно уже никто и не скажет — жили-были двое небогатых крестьян — муж и жена.

Люди они были работающие и смиренные и во всём угодные богам, и в деревне их уважали за то, что жили они душа в душу.

Только, несмотря на то что прожили они в браке много лет, детей у них не было, и это очень печалило их.

Как-то раз поехали они на базар продавать выращенный ими чай, который быстро приобрёл служитель храма богини милосердия и материнства.

Не успели они закупиться на рынке всем необходимым, как супругов разыскал служитель храма и сказал о том, что чай очень понравился главному жрецу, и он просит привезти ещё и поэтому даёт задаток.

Но супруги, поклонившись и поблагодарив за оказанную честь, отказались принять деньги, пообещав привезти чай жрецам в подарок.

Узнав о том, что небогатые крестьяне не взяли вознаграждение, главный жрец недоумевал, затем рассердился и повелел доставить супругов к нему, чтобы спросить: «Как они смеют отказываться?»

Так и было сделано. Им сказали, что если они не скажут правду, в чём же настоящая причина отказа, то их подвергнут жестокому наказанию.

Испугавшись, муж и жена кротко ответили, что и в мыслях не держали ничего оскорбительного для высокопочтенного жреца. «Мы всего лишь хотели, чтобы чай для жрецов стал нашим приношением милосердной богине материнстве, ведь столько лет у нас нет детей», — причитая, рассказывали они.

Услышав ответ, жрец рассудил, что они поступили мудро, обещав, что он и сам лично помолится за них милосердной богине.

И вдруг жрец неожиданно продолжил: «Я вижу, что богиня пошлёт вам детей, раз вы так желаете, но, вот какими они вам будут сыновьями, мне неизвестно».

Всё так и случилось, по прошествии года родились в той семье два сына-близнеца. Росли они крепкими и здоровыми мальчиками, однако в деревне все их считали странными.

А мать с отцом, хотя и души не чаяли в своих сыновьях, бранили их за великую лень. Пока престарелые родители работали в поте лица своего, братья лежали на циновках, как короли, да всё спорили друг с другом.

И споры их были необычными с самого малолетства. Нет, не выясняли они, как это обычно бывает у близнецов, кто старше и кто главнее, а спорили они обо всем человечестве: к свету или ко тьме ближе находится род людской?

Один кричал: «Люди ближе к добру и к свету!» — и в пример приводил воинов смелых и бодхисаттв — святых, по-нашему, пояснял мне Данька.

Другой стervenел: «Порочны люди и корыстны — и всё вспоминал местных воришек, казнокрадов и предателей государства».

Родители им пеняли: «Не императорские вы дети, чтобы рассуждать про такое. Сходите лучше за водой».

Пойдут близнецы за водой, по дороге опять поспорят, забудут о поручении, а бывало, что и подерутся.

Вот подросли они ещё немного и стали эти негодники жителей деревни испытывать, чтобы на деле проявилось: добры или злы люди?

Бросят они монетку на дороге, где должен проходить их знакомый, а сами спрячутся и наблюдают.

Человек подберёт деньги. И тут они со слезами, что, мол, последнее потеряли.

Одни отдавали сразу.

— Вот видишь! — победоносно ликовал один из братьев. — Я прав!

Однако встречались те, которые присваивали монету.

«Может, вы не здесь потеряли?» — сердито лгали они, прогоняя вшаей непутёвых близнецов.

— Вот видишь! — злорадствовал другой. — Я прав!

Но часто братья видели, как их обидчики подавали щедрую милостыню убогим. И вот тут опять начиналась ссора: добр был тот человек или зол?

Как-то раз они попросили соседского мальчика своих лет утопить новорождённых щенков. «У нас сегодня праздник, и мы не хотим делать зло. Вот тебе за труды спелые плоды», — убеждали они его. Тот брал плоды и утверждал, что щенки утоплены, но на самом деле оказывалось, что щенят он пристраивал. И опять братьев мучили споры, ведь сосед получил плату за зло, а сотворил добро.

Было и такое: послал как-то отец сыновей в город к врачу за снадобьем для заболевшей матери. Доктор ей был дальним родственником. Путь был не близкий, и, как всегда, по дороге братья поспорили: даст или не даст родственник дорогое лекарство?

Услышав просьбу, врач сказал: «Помню я вашу матушку, она женщина хорошая, но родственников у меня полстраны, и все они — люди достойные. Не могу я вам дать даром то, что вы просите, зато дам вам дешёвое снадобье. Помогает оно не всем, но шансы есть, если начать принимать его как можно быстрее».

Пошли домой близнецы и опять за своё.

— Вот видишь, всё-таки дал, — говорил первый брат.

Второй только усмехался:

— Лекарство, которое негодно.

Так и спорили братья, забыв о наставлении лекаря, как всегда, подрались и заснули, и только на следующий день под вечер пришли домой.

Но тогда всё обошлось, матери стало лучше.

А близнецы всё не унимались и уже жителей деревни стали вовлекать в свои споры, и мало-помалу образовалась у каждого из братьев свита своих сторонников.

Свиты защищали их друг от друга и готовы были выполнять любые желания братьев. Всё чаще и чаще стали случаться в деревне жестокие драки со смертельным исходом. Стенка на стенку, по-нашему, вновь пояснял мне Данька.

А потом у каждого из братьев появились свои военначальники, обдумывающие тактику сражений для защиты своих королей. Тут уже близнецы стали чувствовать себя настоящими императорами.

А молодые крестьянские парни, их сторонники, уже не думали о тяжёлом крестьянском труде. Ведь идея света и тьмы, мучавшая близнецов, для остальных молодых крестьян стала лишь поводом почувствовать себя воинами.

И запустели поля, некому было на них работать. Голодно стало в деревне. Увидев происходящее, старейшины родов пришли к супругам и стали просить, чтобы они уняли своих сыновей и близнецы отпустили их детей по домам.

Стыдно стало отцу и матери за то, что от их сыновей пришла в родную деревню такая беда. Бросились они увещевать близнецов, но напрасен был их родительский труд, те и слушать их не стали.

А в другой раз свиты даже не допустили родителей до близнецов, сказав, чтобы они оставили прошение кому-то из придворных.

Горько стало супругам, и заболели они оба от такого позора: сначала умер отец, а потом и мать слегла.

Уже на смертном одре в отчаянии взмолилась мать богам, моля тех, чтобы они забрали выпрошенных некогда у милосердной богини материнства сыновей.

И тогда богиня справедливости наказала близнецов, превратив их в деревянных шахматных королей.

«Вот здесь на шахматной доске вам место, — сурово сказала она. — Можете вечно сражаться друг с другом и продолжать свой бессмысленный спор. Вы хотели быть королями — вы стали ими, но теперь уже вами станут играть другие, ведь вы превратили служение свету и тьме в безумную игру».

Как только исчезли те близнецы, то всё потихоньку в той деревне наладилось. Как будто пелена спала с глаз у воющих сторон. Вернулись они к прежней жизни. А эта легенда живёт и по сей день, — закончил свой рассказ Даня.

— Значит, когда мы играем в шахматы, мы продолжаем спор этих проклятых матерью близнецов? — с ужасом спросила я.

Даня улыбнулся:

— Не совсем так, не понимай буквально. Это аллегория. Пошли лучше домой.

Я не решилась больше спрашивать.

Зато ночью мне приснился сон, будто я иду с завязанными глазами по залу. Я знаю, что этот зал — шахматное поле, а я фигура на нём. Мне кажется, что я иду уже целую вечность и вдруг врезаюсь в огромное зеркало.

Я слышу громовой голос, приказывающий мне снять повязку и посмотреться в зеркало. «Узнаешь, какой фигурой ты была в жизни», — услышала я его распоряжение.

Я просыпаюсь от ужаса, так и не узнав, какой фигурой, а главное — какого цвета, я была на той шахматной доске.

В Андерсене усомнилась

Красотой привлечённый внешней, как другие, увы, я грешный.

Кристина Горбачёва,
«Исповедь гадкого утёнка»

Еле заметно улыбнувшись мне, мама сказала:

— Я знала, что из всех сказок Андерсена тебе больше всего понравится как раз про утёнка.

— Почему? — удивилась я.

— Не знаю, — как-то растерянно протянула она, — просто интуитивно почувствовала. У тебя доброе сердце, ты жалеешь слабых, да и к красоте ты не равнодушна.

Как же мама всё-таки была тогда права.

С того дня прошло уже почти четыре года, а сказка про «Гадкого утёнка» до сих пор остаётся моей самой любимой историей.

— Вот так впечатление! Наверно, это любовь на всю жизнь! — подшучивают надо мной родители.

И вот наконец-то у меня появился шанс рассказать о своих чувствах всем тем, кто учится со мной в одном классе, потому что через две недели мы должны написать сочинение по этой сказке.

И мне непременно надо, чтобы моя работа оказалась лучшей, тогда её обязательно прочитают вслух в нашем классе.

И это вовсе не честолюбие, как полагает мой папа, а желание поделиться важными для меня мыслями.

Поэтому я заранее, а не, как всегда, в последний момент, начала готовиться.

Сначала для иллюстрации текста я вырезала несколько подходящих картинок из журналов, а одну даже нарисовала сама.

А сейчас сижу уже больше двух часов и записываю свои мысли по поводу сказки. Но почему-то связный текст у меня пока не выходит, получается отрывисто.

Я уже написала о незащитности и безобидности главного героя — утёнка, о его одиночестве и отверженности, о высокомерии тех, кто его окружал, и о том, что внешняя красота не главное в жизни.

Из задумчивости меня вывел истошный крик сестры, которая пришла из школы и явно была на взводе.

— Никогда больше никуда с ними не пойду! — в истерике повторяла она.

— Аня, да что же случилось? — встревоженно спросила я у сестры, разбрасывающей повсюду свою любимую косметику.

— Да это всё Снежана из параллельного выпендривается. Она при всех, понимаешь, при всех сказала, что моя косметика отстой! И крашусь я безвкусно! Скажи мне, Лиза, ведь это же неправда? — с надеждой спросила Аня, хотя было видно, что искала она ответа вовсе не у меня, а у нашего старинного бабушкиного зеркала.

— Конечно неправда! — поддержала я сестру. — Почему ты ей не ответила? Ты же у нас за словом в карман не полезешь, — удивилась я её беспомощности.

— Да ничего ты, как всегда, не понимаешь, если отвечу, то в тусовку меня больше не пустят, ведь Снежана самой красивой у нас в классе считается.

И сестра, демонстративно хлопнув дверью, вышла из комнаты.

Да, у Аньки с логикой явно беда, как бы сказал мой друг Данька, решила я про себя. Она же только что во всю мощь вопила о том, что никогда и никуда больше с ними не пойдёт.

Ладно, она уже успокоилась, пора мне возвращаться к своей работе. Но тут раздался звонок, и я услышала, как Аня опрометью кинулась открывать дверь.

— Лизка, это к тебе, — позвала меня сестра разочарованным голосом.

И через несколько секунд в нашу комнату вошёл Даня.

— Лиза, закрой за мной дверь, я гулять пойду, — раздраженно бросила мне на ходу сестра.

И вот мы с Данькой остались одни.

— Привет! Чем занимаешься? Я тебе не отвлекаю? — смутился он, увидев на моём столе исписанные листки.

— Да нет, у меня ещё есть время закончить мою работу, — успокоила я его. — Ты хочешь знать, о чём я пишу? — быстро спросила я и, не дождавшись ответа, выложила ему все свои мысли и чувства по поводу своей любимой сказки. А в заключение попросила: — Дань, поможешь мне красиво написать? Я знаю, для тебя это будет легко. Ты же у нас писатель! А для меня эта работа очень важна.

После моей просьбы Данька почему-то нахмурился и, отвернувшись к окну, целую минуту молчал.

— Да ничего страшного, если не хочешь, я и сама смогу, и мама мне может помочь, — обиделась я на него.

— Не в этом дело, Лиза, — наконец-то повернувшись ко мне лицом, серьезно ответил Даня. — Меня не всё устраивает в этой сказке, поэтому я не разделяю твоих чувств. Может, я и не прав, но я не откажусь от своего мнения, — решительно заявил он.

— Ну тогда расскажи мне своё особенное мнение, — уже рассердилась я.

— А ты уверена, что готова к этому? — сочувственно спросил он, пристально глядя мне в глаза.

И вдруг я почувствовала, как у меня болезненно сжалось сердце, но я мужественно прошептала:

— Говори.

И Данька, нервно расхаживая по комнате, начал излагать мне свою

особенную позицию.

— Сказка, на первый взгляд, действительно учит добру, но ты пойми, — внушал он, — это произведение прежде всего про особенного человека — художника-лебедя, которого не принимает толпа простых и грубых людей — «птичий двор». Ведь лебедями называли творческих людей, чаще всего поэтов, — подражая учителям, объяснял мне Данька. И продолжил: — Андерсен тоже верил в свою звезду и в то, что избранный, даже если он гоним и презираем толпой, обязательно докажет этому миру свою гениальность. Над Андерсеном тоже ведь издевались, высмеивая его провинциальное происхождение, странную внешность и чересчур эмоциональное поведение. В общем, это сказка, как и многие другие его произведения, о нём самом, — подытожил он. — Ты помнишь вывод, которого нет на твоей кассете, зато есть в тексте самой книги? Сейчас я дословно не помню, но примерно он звучит так: «Не беда появиться на свет в утином гнезде, если вылупился из лебединого яйца!» Лебединое яйцо — это и есть зародыш гениальности, — пояснил мне Даня. — Теперь тебе понятно, о чём прежде всего эта сказка? А ты всё говоришь: травить нельзя, одинокие существа беззащитны в этом мире, — плаксиво передразнил он меня.

Я решила до последнего держать оборону!

— Ну и что это меняет? — запальчиво возразила я. — Значит, мой утёнок ещё и гениальный! А «птичий двор», естественно, слеп и глуп. В твоём классе тебя ведь тоже не жалуют, а я вот вижу, что ты особенный человек.

Данька даже покраснел, то ли от удовольствия, то ли от смущения.

Что он там себе подумал? Я ведь только хотела защитить сказку.

Но отойдя от шока, мой друг продолжил:

— Да, конечно, это романтизм, и в общем, это не так уж плохо, но в сказке есть одна фраза которая режет мой слух. Помнишь финал, тот момент, когда утёнок увидел лебедей и решил подплыть к ним? Что он тогда подумал? — И Даня, закатывая глаза, начал цитировать самым издевательским тоном: — Ах они, наверно, заклюют меня, но лучше погибнуть от их ударов, чем терпеть щипки уток и кур, пинки птичницы, холод и голод зимой. А это, что за суицидальное поведение? — продолжил он. — «Убейте меня!» — сказал бедняжка и опустил голову, ожидая смерти. — Спрашивается, зачем тогда выживал? — вопрошал Данька.

— Ну и что здесь такого? — недоумевала я. — Он радуется чужой красоте, потому что он независтлив, а потом его тянет к лебедам, ведь он тоже лебедь. Это же — инстинкт! — блеснула и я умным словечком.

— Все так, — миролюбиво сказал Данька. — Но тебе не кажется, — вкрадчиво начал он, — что по этим словам люди могут сделать другой вывод, о том, что сильным и прекрасным позволено больше. Они как бы вне морали. А так не должно быть! Убийство в любом случае зло, кто бы его ни сотворил: прекраснейший из царей или самый уродливый из рабов, — отчеканил он. — Ведь утёнок сам страдал от жестокости, но оправдывает её от красивых лебедей. Значит, он преклоняется перед внешней красотой и грубой силой, — окончательно распалился Данька и убийственно добавил: — Это тот же фашизм, если разобраться, с белокурой бестией во главе. Есть раса господ и раса рабов!

Я была ошарашена и только беспомощно моргала глазами, зная, что сейчас расплачусь.

Испугавшись моей реакции на его вердикт, Данька бросился меня утешать:

— Ну не плачь Лиза, твои суждения тоже правильны, может я глупость сейчас сказал, просто я так чувствую. Прости меня, зато, что заставил тебя усомниться в великом сказочнике. Скорее всего, он так не думал, но выразился, на мой взгляд, неудачно.

И тут я вспомнила, как сама предложила Ане ответить её обидчикам, а она отказалась только потому, что они, видите ли, считаются главными и красивыми.

И теперь я уже не знаю, что же я буду писать в своём сочинении...